1-й экз.

Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 2. **ЯНВАРЬ, 1922 г.** **2 серия.**

Содержание: Отделение школы от государства.—Из переписки учителя.—П. А. Кропоткин и его учение о нравственности. *Н. Лебедев.*—Голод и власть.—Виды на будущее русской промышленности. *А. А.*—Децентрализация права. *Ал. Атабекян.*—„Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина".—Своевременные мысли.

ОТДЕЛЕНИЕ ШКОЛЫ ОТ ГОСУДАРСТВА.

Крутой поворот сделанный коммунистической партией от сосредоточения хозяйственной деятельности народа в руках государства в сторону общественного и даже частного почина, снова ставит в порядке дня вопрос выдвинутый в начале русской революции (в апреле 1917 г.) 1-ым Московским Областным С'ездом учителей и так ярко формулированный К. Н. Вентцелем в лозунге **отделение школы от государства.** Вполне естественно, чтобы децентрализация производства и распределения материальных благ сопровождалась также децентрализацией удовлетворения духовных потребностей и развития молодого поколения, т. е. народного просвещения.

Мы не бросим правящей партии обвинение в реакции за ея поворот в экономической политике. Очутившись на ложном пути, она сделала шаг назад, к исходному пункту, чтобы сызнова искать более верный путь к нашему общему идеалу,—к всеобщей взаимной помощи, называемой коммунизмом.

Этот путь она пока нащупала в раскрепощении кооперации (к сожалению проводимом не с достаточной полнотой и искренностью); современем то же самое она вынуждена будет сделать и по отношению к профессиональным союзам.

По поводу критического обзора государственного социалистического строительства, изданного *Почином* под заглавием „Великий Опыт", П. А. Кропоткин в письме к автору, между прочим говорит: „Да, действительно *Великий Опыт*, но задуманный так, что обречен на конечную неудачу". Теперь мы присутствуем при этой „конечной неудаче". Злорадствовать по этому поводу могут только люди, глядящие вспять,—реакционеры, мечтающие о возврате тех общественных порядков, которые привели к чудовищной мировой бойне. Мы же, ищущие новых путей к разумному и справедливому укладу жизни, должны извлечь из этого тяжелого и мучительного опыта лишь полезные уроки.

Мы не льстили власть предержащим во время их опытов над народом и во множестве шли в тюрьмы, некоторые даже заплатили за это жизнью. Теперь, когда сродная нам социалистическая партия на деле убедилась в непригодности своих приемов общественного строительства, мы имеем нравственное право указать ей на иные пути.

Одним из этих путей является *денационализация народного просвещения.* В то время, как официальные органы изобилуют безпощадным осуждением результатов централистической хозяйственной системы, о вопросах народного просвещения мало что пишется. А между тем бюрократизм в этой области причинил не меньший из'ян, чем в хозяйственной жизни. Моральная и материальная разруха, в которую впала народная школа, а также студенческие волнения минувшего лета свидетельствуют, что „не все спокойно" на этой Шипке.

Выход из положения указан нашей же революцией. Вскоре после февральского переворота „Русские Ведомости" с тревогой писали: „В некоторых местностях „волею учительства" уже упразднены и училищные советы и инспектора народных школ, и руководительство делом народного образования взяли на себя школьные комитеты из учащих".

„Нигде на свете народная школа не находится в руках самоуправления народных учителей и учительниц. Не будет, конечно, такой школы и в России", вещала дальше самая передовая, умная и честная буржуазная газета (в № 76). К сожалению школьная политика коммунистической партии (большевиков) с того времени, как она завладела властью, целиком оправдывает предсказание буржуазного органа.

Если отношение правящей партии к народному просвещению определялось ея экономическими стремлениями, теперь, с провалом хозяйственной централизации естественно (особенно для марксистов) должен выдвинуться вопрос о пересмотре постановки дела народного просвещения. Под народную школу тоже должна быть подве-

дена, так сказать, *кооперативная экономическая база*. Самоуправляющиеся, свободно сгрупировавшиеся коллективы учителей и учительниц должны получить возможность об'единять материальные средства *потребителей* своего труда, т. е. родителей детей школьного возраста, и доказать идеологам буржуазной государственности, для которой народное просвещение является средством для укрепления своего господства, что народная школа может и должна быть отделена от государства.

Да она к этому стремилась уже при капиталистическом строе. Что представляли из себя школы преподавателей, которые так ценились населением, но к сожалению, по малочисленности и иным причинам, не были доступны для всех, как не школьные кооперативы?

Если правящая коммунистическая партия правильно взвесит положение вещей и если она искренно стремится к разумному обновлению жизни, а не цепляется только за власть, то она должна всячески способствовать организации простым *явочным порядком* таких школьных кооперативов *всех ступеней* предоставлением в распоряжение групп учащих подходящих помещений и школьного оборудования.

Ведь дает же власть производственным кооперативам, артелям и даже частным предпринимателям в аренду фабрики и мастерские? Неужели учительство заслуживает меньшего доверия, а свободное духовное воспитание подрастающего поколения имеет меньшее значение, чем изготовление и вольный сбыт каких-либо фабрикатов?

МАТЕРИАЛЫ
к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ *).

Г. Дмитров, *Московской* губ.,
д. Олсуфьева.
4 апреля 1919.

Дорогой мой Атабек,—спасибо, что прислали мне на просмотр вашу брошюру. Сандомирский прав, и тоже самое вам сказали бы Грав, Малатеста, испанские товарищи и все западноевропейские друзья.

В том виде в каком она теперь, т. е. в тех словах, в которых вы выразили вашу мысль, она внесет в умы ужасную путаницу.

Нельзя говорить, что *анти-государственное* учение должно стать *государственным*. Это может только внести сумбур.

Основная мысль вашей брошюры—верна. Требуя уничтожения государства, мы *должны* были указать, как отнесемся мы к самозащите в случае нападения завоевателя-соседа. Мы этого не сделали в достаточной мере. *Кое что, однако, было сделано.*

Возьмите речь Бакунина на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1867 г. („Историческое развитие Интернационала" стр. 302-310 женев. изд.), и вы увидите как резко Бакунин противополагал идею *государства* идее *Свободного анархического Союза производительных ассоциаций* и как он видел уже такие союзы в виде федераций.

Таже федеративная идея у Прудона, в Principe fédératif.

Горе в том, что при ничтожности—вернее, отсутствии—русской анархической литературы и незнакомства русских товарищей даже с тем, что̀ бывало издано по-русски, за границей и в России, наши товарищи—и вы, дорогой мой, в том числе, игнорируете то, что есть в этой литературе, кроме нескольких брошюр.

Попадалась ли вам *Государственность и Анархия* Бакунина? Эта замечательная вещь была переиздана в России в 1904-5 г.г. Тут в поразительной форме высказались мысли, которые вас теперь занимают. Бакунин видит опасности, грозящие России и Европе вообще со стороны Германии и 400 миллионного государства Китая. Он *замечательно* рисует это. И ни на минуту не ослабевает его ненависть—**глубоко-продуманная** ненависть—к **государству**. Спасение он видит, конечно, в *раздроблении* Российского государства,—того же держусь, как вам известно, и я—и в федеративном союзе общин и рабочих производительных округов для самообороны. Вообще, несправедливо сказать, что анархисты, не веря в возможность близкого осуществления анархии, не спрашивали себя, как защититься от завоевателей? Я действительно слышал это от зелёной молодёжи во Франции,—которая, кстати ска-

*) Печатаемое письмо П. А. было написано по поводу попытки сделанной в небольшой брошюрке выделить из понятия *государственность* признак власти и сохранить термин только за территориальными об'единениями для самозащиты. Соглашаясь с доводом П. А., что это может внести в умы „путаницу" (особенно при русской этимологии слова), брошюрка была переработана мною согласно указаний П. А. и затем помещена в виде статьи в № 11 *Почина* под заглавием „Территориальность и Анархизм".

Вслед за письмом привожу некоторые характерные примечания П. А. на полях корректуры и соответствующие контексты. А. А.

зать, ничего не читала кроме своих брошюрок.—Но, конечно, ни Бакунин, ни Реклю, ни Гильом, ни Кафьеро,—никто из нашего поколения—ни даже Малатеста (до последней войны), не закрывали глаз на угрозы всякой анархистской попытке со стороны больших государств—Германии и России—и все видели исход не в *государстве*—государство есть взаимное страхование попа, солдата, судьи, помещика и капиталиста,—а в добровольном союзе общин, а **пока** (как выразился Гильом, внося поправку к резолюции конгресса Лиги Мира в 1867 г.),—Конгрес „**пока** не может предложить лучшего образца, как федерация швейцарская и американская" (стр. 309 Ист. Разв. Инт.). Если бы Гильом и Бакунин знали историю вольных коммун XII-XVI века, как мы её знаем теперь, они указали бы на *лиги городов*: в Италии, Германии (Рейнск. города), Швейцарии, Франции, Испании, Шотландии, на Ганзетич. лигу, к которой принадлежали Новгород и Псков, на Cinque Ports, где Дувр, Кале и еще 3 города *разных наций* составляли один Союз, и т. д. (См. *Взаимная Помощь*, середина VI главы, стр. 151-154 последнего Москов. изд. 1918 год., больш. in 8⁰). Швейцария, начиная с XIII в., могла бы служить хорошим образцом. И если она обратилась теперь в *государство* буржуев, то виноват в этом не принцип Лиги, а капиталистическая полоса XIX века. —Последняя война открывает новую эру таким лигам. Соединенные Штаты в Европе создадутся уже на несколько новых началах.

Вообще, дорогой мой, мне кажется, что свою брошюру вам следовало бы сильно переделать: указываю—где и в чем. В таком же виде она внесёт ужасный сумбур в умы. Отказываться нам от нашей *антигосударственности* нет *никакой причины*. Мы враги государства были и есть, и мы проповедники *без-государственного об'единения* всегда были и остаёмся.

Как я рад был бы свидеться!

Пока—крепко обнимаю вас и моего любимца. Самый сердечный привет вашей жене. Все это от обоих нас.

П. Кропоткин.

Примечания П. А. Кропоткина на полях корректуры статьи, по поводу которой написано предидущее письмо.

Против строк: „Нынешний кризис основной идеи Интернационала—неоправдавшегося лозунга международного об'единения пролетариата всех стран—произошел именно вследствии игнорирования разницы в развитии разных народов. Эта разница делает обороноспособность каждого общества необходимым условием для дальнейшего свободного развития", П. А. пометил—„Очень верно".

Против слов: „Для своего утверждения анархизм должен выработать формы больших обороноспособных территориальных единиц", П-м А-м написано: „Да, несомненно".

К строкам: „Власть и государство во всей истории человечества настолько тесно сплелись между собой, что даже сами главные основатели и идейные вдохновители международного анархического движения, Бакунин и Кропоткин, употребляют эти два слова, как однозначущие. Но это неправильно", П. А. сделал следующее примечание, заменив слово *власть* словом *насилия:*

„Нельзя ли так сказать:—Но это ведет к мысли, что всякая связь для взаимной самозащиты должна исчезнуть, тогда как ни Б., ни К. не воображали себе общества, в котором не останется еще государств, идеально организованных для нападения и захвата (Ср. Кнуто-Германск. Имп. Бакунина)".

Затем в периоде: „Вопросы будущего политического строя уже перешли на обсуждение „мирной конференции" капиталистических государств, [при их новом „черном переделе" мира. Этот передел неизбежно осуществится, если нынешние государства не погибнут в хаосе готовых вспыхнуть новых международных и междоусобных войн]", слова заключенные в прямые скобки зачеркнуты и к слову *передел* П-м А-м сделано примечание: „Ни к какому переделу они не стремятся, это отголоски *немецкой* печати". Направо от зачеркнутых слов им же написано: „Вот почему я и занялся федерализмом".

П. А. КРОПОТКИН
И ЕГО УЧЕНИЕ О НРАВСТВЕННОСТИ.

Как все великие мыслители, П. А. Кропоткин не мог обойти молчанием вопрос об этике,—о нравственности,—вопрос о том, *как* должен жить человек и *чем* он должен руководиться в своей жизни.

Когда в конце девятнадцатого века в литературе стали раздаваться голоса, что нравственность не нужна, когда стало распространяться учение аморализма Ницше, проповедывавшего, что все нравственные понятия не больше как старые предразсудки, которые следует сдать в архив,—а с другой стороны—представители естественных наук стали утверждать, что в мире царит лишь один великий закон „борьбы за существование", П. А. решил доказать с научной точки зрения необходимость нравственности

для человека. И все последние тридцать лет своей жизни, наряду с другими занятиями, он не переставал работать над вопросами этики.

В 1890 г. П. А. прочитал в Анкотском братстве в Манчестре лекцию на тему „Справедливость и Нравственность". Несколько позднее с лекцией на эту же тему он выступает в Лондонском Этическом Обществе, а в период 1891-94 гг. он помещает в английском журнале „Девятнадцатый Век" целый ряд статей о взаимопомощи среди животных и людей; эти очерки, составившие впоследствие его книгу „Взаимная Помощь" являются как бы вступительной главой к его учению о нравственности.

Уже тогда у него зародилась мысль написать книгу о происхождении и развитии нравственности и в 1904-905 гг. он поместил в названном выше английском журнале две статьи под заглавием: „Необходимость нравственности в наше время" и „Нравственность в природе". Эти очерки должны были составить две первые главы большого труда: „Нравственность, ея происхождение и развитие".

С глубокой эрудицией ученого, подкрепляя свою теорию нравственности целым рядом биологических, психологических и исторических примеров, П. А. доказывает, что нравственные понятия глубоко связаны с самим существованием живых существ, без них они не выжили бы в борьбе за существование, что развитие таких понятий было также неизбежно, как и все прогрессивное развитие или эволюция от простейших организмов вплоть до человека, и что это развитие не могло бы совершиться, если бы у большинства животных не было бы уже зачатков стадности, общежительности и даже, в случае надобности, самоотверженности. Жизнь в обществе естественно и неизбежно порождает и у людей и у животных инстинкт *общительности*, взаимопомощи, которые дальше у людей развиваются в чувство доброжелательности, симпатии и любви.

С течением времени, когда человечество достигает уже высокой степени развития, это чувство претворяется в учения о нравственных обязанностях человека.

Таким образом, жизнь в обществе породила и укрепила инстинкт общительности, который развился затем в чувство взаимопомощи, симпатии и солидарности, и выработался в привычку—*не делать другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе*—основное правило всех великих нравственных учений.

Но, не делать другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе,—еще не есть полное выражение нравственности—говорит П. А., это правило является лишь выражением понятия *справедливости*, равноправия. Но высшая нравственность не может удовлетвориться этим. Ея выражением служит то, что люди называют не совсем правильно *самопожертвованием*. Самопожертвование имеет своей основой, с одной стороны, чувство *сострадания*, или способность переживать страдания других, отожествлять себя с окружающими, а с другой стороны,—то, что французский философ Марк Гюйо называет *полнотой жизни*.

„Человек, обладающий способностью отожествлять себя с окружающим", говорит П. А., „человек, чувствующий силы своего сердца, ума и воли, свободно отдает их на помощь другим, не требуя за это никакой оплаты, ни в этой жизни, ни в неведомой другой". Такой человек сознает свою силу и широко расходует свою способность любить других, вдохновлять их, вселять в них веру в лучшее будущее, а иногда даже жертвовать своей жизнью ради блага других. Иначе такой человек поступить не может, он изливает избыток своих сил и способность любить; он отдает себя, не рассчитывая на последствие, так же, как цветок не может не цвести, хотя за цветением следует смерть.

Доказывая, что нравственность разлита во всей природе и глубоко заложена в каждом из нас, П. А. призывает человека развивать эти заложенные в нас инстинкты и чувства, так как только в этом и состоит истинная жизнь и только нравственность может дать нам полноту жизни и радости существования.

Мы все должны жить для великого дела торжества справедливости, но для этого необходимы мужественные и нравственные личности. Вот почему П. А. и говорит каждому человеку:

„Будь силен! развивай мощь своей души! И твой разум, твое милосердие и твоя воля к действию распространятся на других...

„Будь силен, будь велик в своих действиях... Будь решителен и непреклонен, если хочешь вести жизнь полную и плодотворную"...

Но, призывая человека воспитывать свою волю, свою мощь, П. А. говорит, что человек не должен замыкаться в себе, он должен помнить, что его сила не в одиночестве, а в союзе с другими личностями, с народом, с трудящимися массами.

„Насаждай вокруг себя жизнь... борись против несправедливости и насилия, чтобы дать возможность и другим жить той полной бьющей ключом жизнью..."

„И только в этом случае", говорит

П. А., „человек может сказать о себе, что он *жил*“, так как только в такой жизни человек может обрести такие великие радости, что, испытавши их, он не отдаст и несколько часов такой жизни в обмен за целые годы прозябания.

Н. Лебедев.

ГОЛОД и ВЛАСТЬ.

„Компрод брал хлеб согласно разверстке, а разверстка 1920 года не стояла ни в какой связи *ни с излишками, ни с недостатками*“.

И. Попов.

(„Правда“, № 179 от 14. VIII. 21).

Голод—явление не исключительное ни для России, ни для нашего времени, ни даже для человеческого рода, а потому не о советской власти в частности здесь речь, а о государственной власти вообще.

В введении к своей книге о *взаимной помощи* П. А. Кропоткин приводит целый ряд стихийных бедствий, как-то: мятели, гололедица, морозы и бураны, ранние заморозки, ранние глубокие снега, проливные дожди и наводнения, которые губят неисчислимое множество насекомых, птиц и жвачных животных, и делают жизнь необыкновенно скудной на „той громадной части земного шара, которую мы называем Северной Азией“.

Можно было бы сказать больше: смена времен года, зима, даже в умеренном климате, уж не говоря о северных странах, является тоже своего рода *стихийным бедствием*, и если жизнь не вымирает в этих странах, а напротив успешно развивается, то это потому, что многие животные и сам человек научились делать запасы продовольствия далеко превышающие их текущие потребности, а также строить защищенные от холодов убежища, при чем человек додумался еще отапливать свои жилища.

Явление широкого, *стихийного вымерзания* не наблюдается в человеческих обществах даже во время самых суровых зим, почему же должно существовать почти поголовное острое недоедание населения обширных пространств, называемое *голодом*?

Даже некоторые насекомые, как например, всем известные муравьи и пчелы, умеют делать значительные запасы пищи. У вторых эти запасы бывают настолько обильны, что человек без ущерба для них похищает значительную их часть. Каким образом сам человек, столь высоко развитый, оказывается от времени до времени жертвой голода?

Нам говорят будто западная Европа давно не знает голода. Но это явно не соответствует действительности. Уж не говоря о подлинном голоде, постигшем многие страны этой части света во время последней, чудовищной по своим размерам *мировой войны*, достаточно прочесть описание лишений и страданий населения рабочих центров во время *промышленных кризисов*, чтобы убедиться в том, что мы имеем здесь дело с *голодом* в самом прямом смысле слова. Только это голод, постигающий не земледельческое население, а фабрично-промышленное.

Очевидно причину голода в человеческих обществах нужно искать не в стихийных бедствиях, а в тех условиях, которые делают невозможным скопление достаточных запасов продовольствия на неурожайные годы или средств на случай промышленного застоя.

Если вдумчиво искать причины мешающие скоплению нужных запасов в руках массы населения, то не трудно убедиться, что корень зла—в существовании государственной власти.

Внеклассовой, одинаково радеющей о всех, *аполитичной* власти не существует и не может быть. Всякая власть необходимо потворствует преимуществам одних слоев населения перед другими. Но помимо того, что власть этим путем содействует эксплуатации одних классов другими и тем косвенно способствует хозяйственной необеспеченности как раз производящих слоев народа, она сама тоже занимается непосредственным обиранием его прямыми и косвенными налогами.

Социалисты у власти, в свою очередь, верные своим теориям, самым неприкрытым образом покровительствовали всеми мерами городскому пролетариату в ущерб трудовому крестьянству. Для взимания продналога *без всякой связи „ни с излишками, ни с недостатками“* они прибегали к самым крутым мерам.

Результаты не замедлили сказаться по первому поводу.

А так как—

„Власть не пашет и не жнет,
„Из деревни все берет,
„И сама же поедает“,

—то в самое нужное время, она, призвание которой все предусматривать, все налаживать и о всех пещись, оказывается бессильной перед общественным бедствием и взывает к той общечеловеческой этике, которую не в состоянии заглушить в сердцах людей даже ожесточающая практика власти.

ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Итак, от старого советского хозяйственного режима—стройного в теории и строго последовательного, не взирая ни на что, на практике—не осталось камня на камне. От централизации „до безчувствия" уцелели одни „рожки да ножки", как игриво писали некоторые журналисты в официальных органах. Хотя последствия доктринерских опытов далеко не были забавны для народа, но несвоевременно допытываться причин и разыскивать виновных. Разберемся лучше в изменившейся обстановке.

Новый курс в хозяйственной политике государственной власти открывает новые возможности в развитии промышленности.

Какое направление примет она?

Если бы история развертывалась стихийным образом, то этот вопрос имел бы значение простого любопытства. Но дело в том, что развитие человеческих обществ в нашу эпоху—и не в одной только России—идет не своим естественным, свободным путем, а в значительной степени находится в зависимости от государственной власти. Удерживать последнюю от грубых ошибок и ограждать общественное развитие от ея *всегда* пагубного вмешательства пробуждением народного самосознания, противодействия и самодеятельности является одним из главных призваний анархистской печати.

Направление, которое может принять развитие, или вернее, возрождение русской промышленности, зависит не от одних только пожеланий, вроде того, чтобы кооперативы и частные промышленники арендовывали предприятия, но и от об'ективных, внешних условий. Для существования всякой промышленности нужны прежде всего средства, *капиталы*.

Откуда они могут взяться?

Богатства наших старых промышленников—Рябушинских, Морозовых, Кузнецовых и всяких акционерных товариществ с именами или без имен—возникали не праведными трудами владельцев, не их наследственными талантами, а из более действительных источников: благодаря явным или окольным субсидиям из казны и прямому покровительству государства.

Царская власть выдавала им за счет крестьянской массы—главной плательщицы прямых и косвенных налогов—из народного достояния то субсидии, то концессии с гарантией или без гарантии доходности, то платила вывозные премии, то вводила покровительственные пошлины, чтобы всячески *поставить на ноги* русскую промышленность и оградить *ея интересы*, т. е. выгоды кучки торгово-промышленных тунеядцев, от иностранной конкуренции. При этом наживалось, конечно, и высшее чиновничество рука об руку с влиятельными членами Романовского дома.

Это прошлое русской промышленности нужно помнить тем, кто мечтает сосредоточить *одни только крупные предприятия* в руках государства, а средние и мелкие предоставить частным предпринимателям и, в лучшем случае, трудовым и потребительским кооперативам. Унаследованная нами крупная промышленность—особенно оставаясь в руках чиновников—сможет существовать только искусственно, при покровительственной таможенной системе, даже для внутреннего рынка, т. е. за счет и в ущерб потребляющей крестьянской массе населения, иначе она будет вытеснена иностранной конкуренцией.

То же самое нужно сказать и о среднем и мелком *капиталистическом* производстве. Теперь лишенная правительственных субсидий (часто выдававшихся им под видом выгодных правительственных заказов), премий, потворства и гарантий, она по крайней мере должна быть ограждена высокими ввозными пошлинами, чтобы стать достаточно прибыльной и привлечь иностранные капиталы. Иначе говоря, и средняя промышленность может возродиться при поддержке государственной власти и в ущерб крестьянской массе.

Не к этому, конечно, стремилась социалистическая партия, разрушившая, неожиданно для самой себя, вместе с устоями старого капиталистического строя, и почву под ногами промышленного пролетариата, т. е. самую промышленность.

Но есть еще третий вид промышленности, который доказал свою живучесть и устойчивость даже в передовых капиталистических странах, это—*децентрализованная промышленность*, которая у нас в России называется *кустарной* за свою отсталую технику.

Располагая очень часто далеко не совершенными орудиями производства, она тем не менее способна бывает выдержать конкуренцию с самым крупным капиталом. Продуктивность труда, очевидно, не исключительно зависит от превосходства техники. А тем более при усовершенствованной технике кустарная промышленность в состоянии будет успешно конкурировать с крупным капиталом пользуясь при этом кооперативными приемами об'единений при закупке сырья и материалов, сбыту фабрикатов и организации кредита.

Таким образом технически высокая промышленность может возродиться в Рос-

сии *не эксплуатируя крестьянства* только из развития кустарного производства. Только способствуя успешной кооперативной организации последней и усовершенствованию ея техники можно достичь того, чтобы русская промышленность перестала быть чужеядным наростом на спине земледельца-крестьянина.

Для успешной организации кооперативных об'единений кустарей нужны не „регулирующие" декреты, измышленные за их спиной канцелярскими „спецами", хотя бы даже по партийным „заданиям", а необходимо полное освобождение кооперации от государственной опеки и государственного вмешательства в ея деятельность.

Что же касается до технических возможностей русской кустарной промышленности и механизации ея приемов производства, то слово по этому вопросу принадлежит специалистам—русским техникам.

А. А.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ПРАВА.

Право—святая святых всех „государственно-мыслящих" людей, от монархистов до государственных социалистов включительно. При этом под „правом" они понимают государственные законы и их принудительное проведение в жизнь судопроизводством или даже административным усмотрением.

Вследствие отождествления права с выявленной волей государственной власти, многие анархисты, отвергая власть, отвергают и право.

Но, отрицая с полным основанием государственное принуждение, называемое „правом", могут-ли анархисты, по крайней мере анархисты-революционеры, отвергать право вообще и его охрану силой, не впав в практическую нелепость толстовского непротивления злу?

Только в обществах с однородным моральным развитием надобность в правовых нормах и их ограждении для всех силой может быть доведена до минимума, низведена до нуля. К сожалению уровень этического развития населения не только разных стран, но даже различных слоев одного и того же народа, чрезвычайно разнообразен и до утопичности далеко то время, когда все человечество достигнет настолько высокого развития, что право перестанет нуждаться в охране и отождествится с общечеловеческой этикой. Для внутренних взаимоотношений человеческих обществ охрана правовых норм так же необходима, как и не устранима внешняя самооборона разных стран. Как первая, так и вторая определяются однородными причинами.

Анархизм отрицает не право вообще, а монополию за государственной властью устанавливать правовые нормы и принудительно их проводить в жизнь, как это признается за ней почти всеми юристами. Однако юридическая мысль не замерла на одной ступени и иные правоведы уже не связывают неразрывно понятие о праве с суверенною волею государственной власти. „Внутри отдельных государств",—говорит проф. Виноградов в своих *Очерках теории права*,—„существуют общественные организации, обладающие известной автономией...

„Образование внутри церквей автономных правовых сфер является только одним из примеров широко распространенного процесса. Местные союзы и профессиональные организации могут создавать особые юридические нормы. Средневековое право Германии, например, было в особенности богато примерами подобных образований: существовало особое право горожан, право крестьян, право цехов, гильдий, феодальных обществ и т. д. и зависимость всех этих норм от верховного права княжеств и империи была чрезвычайно слаба...

„В настоящее время муниципальные постановления, статуты и обычаи корпораций, ассоциаций и трэд-юнионов возникают во множестве... Нормы эти порождаются не государством, а входящими в его состав обществами, оне располагают своими собственными санкциями (штрафы, лишений преимуществ, исключений) и их конечный компромисс с законами государства, является в основе своей результатом борьбы за преобладание между центральной и местными властями. Результаты могут быть различны в различные эпохи, и *нисколько не исключена возможность, что после периода постепенной централизации права государством начнется движение в противоположном смысле—в направлении местной и профессиональной автономии*" (курс. мой. А.).

Таким образом, когда юридическая мысль отрешается от схоластической диалектики римского права и переходит к изучению истории и современности, то она приходит к тому же выводу, как и мы, анархисты. Движение в противоположную сторону от централизации права государством, допускаемое проф. Виноградовым не только теоретически, но подкрепленное конкретными наблюдениями над современной жизнью, ведет в сущности к **децентрализации права**, т. е. к упразднению роли государственной власти в установлении правил поведения между людьми, иначе говоря, к анархизму.

Поучительно отметить новейшее проникновение децентрализации права в международные отношения. По ст. XIII договора, заключенного правительством Советской России с Германской республикой „российское правительство обязуется совершать с германскими гражданами и юридическими лицами правовые сделки на территории Р.С.Ф.С.Р. только с оговоркой о применении третейского разбирательства". Эта статья договора не имеет ничего общего с капитуляциями, с которыми ее с горечью сближают иные большевики, неутратившие еще великодержавную психологию. При капитуляциях юридические законы государства следуют за выходцем из страны на чужбину. Тут, напротив, имеется характерный случай отказа двух государств принудительно применять при спорах третьих лиц с одним из них (а тем более, очевидно, частных лиц разного подданства между собой) те или другие юридические законы. *При условии взаимности* нет сомнения, что международные отношения будущих анархических территорий с сохранившимися еще государствами будут определяться именно таким образом. Наивно мечтать о всеобщей мировой (универсальной) социальной революции. Наши учителя, Бакунин и Кропоткин (как вполне основательно замечает последний) „не воображали себе, что все человечество сразу перейдет к анархизму и что в нем не останется государств идеально организованных для нападения и захвата". Сношения между такими отсталыми государствами и анархическими территориями будут определяться именно правом, децентрализованным до третейских судов.

Ал. Атабекян.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ по увековечению памяти П. А. КРОПОТКИНА.

В сентябре месяце в Москве образовался „Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина."

Согласно принятому на первом общем собрании Положении о Комитете, Комитет делится на несколько секций, которые разрабатывают те вопросы, в которых они наиболее компетентны. В настоящее время пока образованы две секции: анархическая и научная. В будущем, когда Комитет пополнится новыми членами, будут созданы другие секции, как, напр., географическая, историческая и т. д.

Комитет состоит из представителей разных учреждений, организаций и групп, которые пожелали принять участие в деле увековечения памяти П. А. Кропоткина, и задачи и деятельность которых не противоречат основным принципам и идеям П. А-ча. Все организации и группы, которые пожелают принять участие в Комитете должны прислать на имя Исполнит. Бюро Комитета заявления о своем желании вступить в Комитет. (Временный адрес Исполн. Бюро Комитета Б. Афанасьевский п. д. 7, кв. 7). В состав Исполн. Бюро Комитета вошли в качестве почетной председательницы, вдова покойного П. А-ча, С. Г. Кропоткина, председательница Комитета В. Н. Фигнер, и члены исполнит. Бюро: П. А. Пальчинский, Н. К. Лебедев, А. А. Карелин и Н. К. Муравьев.

Одной из главных задач Всерос. Общ. Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина является устройство в Москве, в доме, где родился П. А. „Музея П. А. Кропоткина". В этом музее будет собрано все, что имеет то или иное отношение к жизни и творчеству покойного гуманиста и анархиста-революционера.

Кроме этого, Комитет предполагает устраивать лекции, беседы и доклады посвященные П-ру А-чу, а также издавать сборники и бюллетени.

В настоящее время Исполн. Бюро Комитета вошло в соглашение с редакцией журнала „Былое" и совместно с ней приступило к изданию первого сборника в память П. А-ча Кропоткина. В этот сборник, кроме статей и воспоминаний о П. А-че, войдут также неизданные произведения самого П. А-ча: записки написанные им в 1873 г. для кружка чайковцев под заглавием: „Должны ли мы заняться рассмотрением идеалов будущего строя?" и отрывок из неоконченной рукописи 1919 г. „Идеалы в революции".

В Сборнике будет также помещен ряд архивных материалов о П. А-че, впервые появляющихся в печати; в числе этих материалов будут помещены статьи: „Князь П. А. Кропоткин"—справка департамента полиции и „Побег Кропоткина" по данным III отделения.

Комитет принимает на сборник предварительную подписку по цене 25.000 рублей за экземпляр.

Желающие приобрести сборник могут подписаться на него у секретаря Всерос. Федер. Анарх. т. А. А. Карелина—1-ый Дом Советов, ком. 219.

К сведению читателей.

По независящим от редакции обстоятельствам, настоящий № „Почина", готовый к выпуску в сентябре месяце выходит, с некоторыми изменениями теперь.

Почин высылается всем желающим в рассчете на их материальное содействие для поддержания и развития органа *по мере получения ими последующих номеров.*

Требования и денежные переводы просим направлять:

Москва, Секретариат Всероссийской Федерации Анархистов, Тверская, Настасьинский пер., д. № 5, кв. 2 (для *Почина*).

Адрес редакции: Москва, Калужская пл., угол Коровьего Вала и Мытной, д. 23/1, типография „Почин".

Типогр. и издат. Тр. Арт. „ПОЧИН". — Р. В. Ц. 24.